

Клуб

ЖУРНАЛ
С ВКЛАДНЫМИ
ГРАМЗАПИСЯМИ

18-1986
СЕНТЯБРЬ

И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

МБДВЕДЕВСКАЯ,
центральная
библиотека

Присматриваясь к его опыту, опыту Галины и других, приходишь к выводу, что в школы, ЖЭКи, ДЭЗы идут и увлеченно работают, как правило, энтузиасты самого разного возраста, которым важны не столько престиж и оплата, сколько возможность работать самостоятельно, искать, экспериментировать. Очевидно, этой перспективой и надо привлекать в кружки при школах и ДЭЗах увлеченных руководителей.

Удается это пока еще не всегда. Иногда в спешке посылаем людей недостаточно проверенных, которые, конечно, показали нам способными, умелыми организаторами, а дело наладить не смогли.

А само дело подчас действительно бывает очень непростым. В прошлом году педагог Эдуард Голубенко предложил создать в ДК необычный эстрадный танцевальный коллектив из девочек-подростков, многие из которых по своим физическим данным явно не подходили для хореографии. Но танцевать-то хотят все! На их горячее желание и рассчитывал Эдуард. Ансамбль этот мы создали в экспериментальном порядке: решили посмотреть, что получится, если пойти навстречу организатору, хотя предполагали, что коллектив долго не продержится. Голубенко помучился с этими девушками немало — и в раздевалке у них постоянно было накурено, и нагругить они могли, не так легко было с ними поладить. Но вот подошел Праздник 40-летия Великой Победы и бывшие сложные подростки на большой сцене продемонстрировали подлинное искусство — да-да, именно искусство, настолько хорошо была исполнена ими композиция «Бой» под музыку В. Высоцкого. Как преобразились они на сцене, да и в жизни, честно говоря, стали мягче, женственнее. И мы радовались: ведь готовить этот номер помогали многие работники ДК.

Коллектив этот долгое время лихорадило. Его первый набор так и не смог сохраниться как единое целое. Но мы решили, что не должны, не имеем права предоставлять девочкам снова превратиться в «трудных». Они были «распределены» по нашим кружкам, половина занимается в театральной студии. Но опыт этого коллектива оказался нам интересным — сейчас он возрожден, в нем занимаются уже другие девушки, и мы рассчитываем на то, что теперь работа будет идти успешнее.

Наш коллектив хочет построить свою деятельность таким образом, чтобы она принесла максимальную отдачу. По примеру других клубов мы решили ввести хозрасчетные начала. Считаем, что в этом случае резко повысится заинтересованность людей в работе: ведь при перевыполнении финансового плана (в том числе и в зависимости от организации платных кружков) все сотрудники будут ежемесячно получать премии до 40 процентов оклада (не менее 1,5 оклада в квартал). А если мы сработаем плохо, некачественно, естественно, это тоже отразится на наших зарплатах. Сейчас мы просчитываем все возможности хозрасчета применительно к работе «Меридиана». Надеемся, что усиление хозрасчетных начал поможет нам поднять работу на качественно новый уровень, создать широкую сеть кружков по месту жительства, охватить еще больший детский контингент.

Москва

В МИНИСТЕРСТВАХ

И ВЕДОМСТВАХ

Конкурс „Пою мое Отечество“

В целях создания новых высокогражданских произведений и повышения идейно-художественного уровня репертуара участников Второго Всесоюзного фестиваля народного творчества, посвященного 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, Министерство культуры СССР, ВЦСПС, Союзы писателей и композиторов СССР проводят конкурс на лучшее произведение для самостоятельных эстрадно-музыкальных коллективов, духовых оркестров и оркестров народных инструментов.

Клавиры и партитуры произведений, посвященных свершениям рабочего класса и колхозного крестьянства, нерушимой дружбе народов СССР, пропагандирующих борьбу Коммунистической партии и советского народа за мир, способствующих утверждению и обогащению социалистического образа жизни, направляются не позднее 15 декабря 1986 года в адрес Всесоюзного жюри (125047, Москва, ул. Готвальда, 10, Центр музыкальной информации и пропаганды советской музыки Союза композиторов СССР) с пометкой «На конкурс «Пою мое Отечество». Право участия в конкурсе предоставлено профессиональным композиторам и поэтам, причем рассматриваться будут только оригинальные сочинения, ранее в конкурсах не участвовавшие, не опубликованные в печати и не исполнявшиеся по радио и телевидению. Рукописи присылаются на конкурс под девизом, а все сведения об авторах музыки и текста (ф. и. о., адреса) необходимо вложить в запечатанный конверт, помеченный тем же девизом.

Победителям конкурса присуждаются премии и почетные дипломы.

Произведения, отмеченные жюри, которое возглавляет народная артистка СССР Александра Николаевна Пахмутова, будут опубликованы на страницах нашего журнала.

ПОЮЩИЕ АКТЕРЫ

«С большим интересом познакомились с материалами рубрики «Поющие актеры», посвященными Валентину Никулину, Николаю Караченцову. Спасибо! Ждем очередных публикаций, пластинок. И конечно же надеемся встретить на ваших страницах рассказ о Владимире Высоцком, творчество которого, как никакого другого актера, неразрывно связано с песней.

От имени группы учителей —
Евгения Шленская,
г. Ленинград»

«Обращаюсь к вам за помощью. Дело в том, что мои друзья просят меня, как культурора, провести дискотеку или беседу о В. Высоцком. Но найти у нас материалы о его жизни, деятельности, о его песнях оказалось нелегко. Помогите, пожалуйста, если это возможно.

Татьяна Перова,
поселок Копылово,
Томская область»

О Владимире Семеновиче
Высоцком

много уже написано и сказано в разных печатных изданиях. Мы же на страницах и вкладной пластинке нашего журнала хотим предоставить слово самому актеру, его рассказам о себе и своем творчестве, его песням.

Дело в том, что выступления Владимира Высоцкого перед слушателями меньше всего походили на обычные концерты. Скорее

их можно было назвать просто встречами с людьми, где главным становилось непосредственное дружеское общение.

И, отбирая по расшифровкам записей этих выступлений в концертных залах, клубных аудиториях, студиях радио и телевидения наиболее важные, на наш взгляд, фрагменты, мы попытались сохранить его естественную и живую, доверительную интонацию.

Горизонты Владимира Высоцкого

Владимир Высоцкий был личностью, артистом неповторимой, ни на что не похожей индивидуальности, одним из интереснейших актеров современности. Но он был певец. Для него песня была вторым языком. Вероятно, он был создан так, что не мог все выразить словами, как мы не можем многое выразить, но он обладал поразительным даром песни, через которую он любил, ненавидел, превирал, нежно относился, надеялся, мечтал, болел, мучился. Эти песни были как крик, эти песни были как стон сердца, как хруст разрываемого сердца. Его песни любили, не любили, его песни шокировали, восхищали, удивляли, но они были выражением каких-то таких народных струн, которые сегодня проявились в полной мере.

М. Ульянов,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии,
народный артист СССР

Возможность говорить с людьми

Я занимаюсь авторской песней и считаю ее совершенно особым песенным жанром. Вообще-то, это даже не песня, это стихи, положенные на ритмическую основу. Когда-то, очень давно, я услышал, как Булат Окуджава поет свои стихи, и увидел, что стихотворные строки, которые я раньше читал глазами, работают намного сильнее, когда он исполняет их с гитарой. Но это может быть и любой другой инструмент. Я, например, пытался вначале петь под рояль, под аккордеон, потому что, когда был маленьким, родители заставляли меня заниматься музыкой, как говорится, из-под палки. Спасибо им за это: я оказался обученным музыкальной грамоте. Но большинство выбирает гитару потому, что это такой бесхитрый инструмент, которым могут овладеть многие. Виртуозно научиться играть на нем, конечно, сложно, но суметь подобрать для себя нужный аккомпанемент не так уж трудно.

Начинал я с песен, которые почему-то называли дворовыми, уличными. Это была такая дань городскому романсу, который в то время был совершенно за-

быт. И у людей, вероятно, была тяга к такому простому, нормальному разговору в песне, тяга к не упрощенной, а именно простой человеческой интонации. Они были бесхитростны, эти первые песни, и была в них одна, но пламенная страсть: извечное стремление человека к правде, любовь к его друзьям, женщине, близким людям. Потом, конечно, все немного изменилось, усложнилось, но суть осталась. Думаю, что авторская песня, которой вот мы занимаемся, несколько человек,— это как раз такая форма беседы с людьми, но только, конечно, в виде песни.

Часто раздаются упреки, что мы упрощаем мелодию, что у меня примитивизация такая нарочитая. Это не нарочитая, это нарочная примитивизация. Я специально упрощал многие мелодии даже в песнях, которые писал для картин. И делал это для того, чтобы ничто не мешало восприятию текста, тому главному, что я хочу сказать. Чтобы песни эти сразу входили не только в уши, но и в душу, и чтобы человек, который захочет их воспроизвести, смог бы легко это сделать.

С авторской песней у нас случилось что-то странное, ее стали называть ту-

ристской, самостоятельной и еще как-то. Хотя во всем мире авторская песня существует точно на таких же правах, как и песня, которую мы называем эстрадной. Вот мы смотрим, например, по телевидению программы с участием Азнавура, Беко, других французских певцов, которые занимаются именно авторской песней. И ни у кого не вызывает сомнений, что она имеет право быть на сцене. Наоборот, она дает колоссальные возможности и авторам, и людям, сидящим в зале. Потому что авторская песня есть не что иное, как возможность и манера разговора с людьми, самой нормальной, натуральной беседы. Эта песня требует отдачи зрителей, требует собеседника. В этом смысле она — неумирающее искусство, корни которого уходят в далекое прошлое — к Гомеру, акынам, трубадурам... И у нас тоже с гусями ходили и пели песни, былины. Короче говоря, у авторской песни есть и своя история, свои традиции. И я предпочитаю заниматься именно авторской песней, с ее скромными средствами, и не хочу их менять, хотя мне предлагали выступать со всевозможными ансамблями, оркестрами и т. д. Для пластинок я это еще иногда делаю, потому что для авторской песни важен эффект присутствия, а на пластинке его добиться труднее, и тогда нужно хоть немножечко чем-то его заменить, создать фон.

Я никогда не противопоставляю авторскую песню и эстрадную. Это два различных жанра, у каждого из которых есть свои достоинства и недостатки. Эстрадная песня — это, как правило, мощно звучащий оркестр, хорошие оркестровки, певцы с хорошо поставленными голосами. Ко многим из них я отношусь с уважением. В эстрадной песне много внимания уделяется исполнению и сопровождению, а если их снять, то иногда обнаруживаются провалы. У нас есть эстрадные песни, в которых нет никакой поэзии, которые не несут никакой информации. Иногда слушаешь — и просто уши вянут. Вспомните знаменитое:

На тебе сошелся клином белый свет,
На тебе сошелся клином белый свет,
На тебе сошелся клином белый свет,
И мелькнул за поворотом санный след...
Я могла бы побегать за поворот,
Я могла бы побегать за поворот,
Я могла бы побегать за поворот...

Причем у этого текста целых два автора. Вот Бернес — он же тоже работал на эстраде, но никогда не позволял себе петь плохие тексты или просто никакие... Его уже давно нет, но услышите его запись по радио и прильнете сразу — невозможно оторваться. Он всегда пел безусловно хорошую поэзию, содержательные стихи. Сейчас много хороших поэтов стали писать для эстрады. И может быть, положение выправится... Конечно, я не хочу сказать, что у нас, тех, кто занимается авторской песней, все равноценно. Не хочу сказать, что мы пишем только хорошие стихи — это было бы просто неприлично с моей стороны. Но внимания им уделяем, безусловно, значительно больше.

Атмосфера доверия

Вы, пожалуйста, извините, что я все время поднимаю руку и прерываю ваши аплодисменты, потому что мне всегда не хватает времени и я всегда хочу как можно больше успеть... Про меня из-за этого даже ходят разные легенды, что я,

дескать, не люблю, когда аплодируют. Это неправда. Я нормальный человек и с уважением отношусь к тому, что вы делаете. И даже хочу вам сказать, что вы мне, наверно, больше нужны, чем я вам на сцене. Для меня это каждый раз встречи, которые, поверьте, мне дают даже больше, чем вам. Дело в том, что авторская песня — это возможность моя рассказать вам о том, что меня беспокоит, волнует и так далее. И если у меня есть собеседник, с которым я могу этим поделиться, особенно такое количество людей, то, как вы сами понимаете, это есть самая большая для меня награда. Это не каждому дано, и мне очень повезло в этом смысле. Я их ценю — эти встречи, люблю их, стараюсь как можно лучше проинформировать слушателей.

И вообще, когда я начинал писать свои песни, я не рассчитывал на такие колоссальные аудитории, какие у меня есть теперь, — залы, дворцы, стадионы... Мои песни тогда предназначались только узкому кругу очень близких друзей. У нас была такая студенческая компания, в которой были очень интересные люди. Некоторых из них, к сожалению, больше нет — это писатель Василий Шукшин, режиссер Левон Кочерян. Мы встречались почти каждый день и даже жили вместе года полтора. И вот, я приехал после съемок, после каких-то работ своих, привозил какие-то песни, свои впечатления. Я был свободен, был убежден, что меня будут слушать с интересом. И была такая атмосфера доверия, непринужденности полной и, самое главное, дружественная атмосфера. Я видел, что им нужно, чтобы я пел, и они хотят услышать, про что я им расскажу в песне. То есть это был такой способ что-то сообщить и как-то разговаривать с моими близкими друзьями. И вот, несмотря на то что прошло так много лет, я все равно через все эти времена и все эти залы стараюсь проташить вот этот дружественный настрой, который был тогда. Я даже думаю, что эти песни и известны стали именно из-за того, что в них есть это желание, чтобы тебе доверяли люди, желание рассказать о чем-то совершенно необходимым. Поэтому их слушают, поэтому к ним и тянутся. У меня есть гитара, ваши глаза, то, что я хочу вам рассказать, и больше ничего. Но это очень много. И если вот это создается — то, что не ухватишь ни ухом, ни носом, ни глазом, как хотите называйте: контакт, атмосфера, что угодно, — это для меня самое ценное. Поэтому-то аплодисменты не главное. Для авторской песни не нужно ничего внешнего. Никаких сцен, никаких рамп, никаких фонарей. Я пел в ангарах, в подводных лодках, на аэродромах, на полях, на гигантских стадионах, просто в комнатах, на чердаках, где угодно. Это не имеет значения. Для авторской песни не важна обстановка, для нее нужна только атмосфера...

Об этом нельзя забывать

Меня всегда спрашивают, почему я так часто обращаюсь к военной теме? Ну, во-первых, этот вопрос, по-моему, праздный. Пока люди пишут, пока сочиняют и музыку, и стихи, их всегда это будет волновать. Это разговор очень серьезный, простой и ясный.

Самые первые мои военные песни были написаны для картины «Я родом из детства» и с тех пор возвращаюсь к ним обязательно, не только по заказу для

какой-нибудь картины или спектакля, но и для себя. Но прошу вас не обманываться насчет этих песен, потому что это не песни-ретроспекции — я не могу ничего вспомнить из того, чего я сам не видел. Это, конечно, песни-ассоциации. Написаны они человеком, живущим теперь, для людей, большинство из которых войны не прошли или у которых она уже в далеком-далеком прошлом. А все равно — война всех коснулась: у каждого в нашей стране были либо погибшие родные, либо раненые, и у меня в семье были большие потери... Поэтому, кроме прочего, об этом нельзя забывать.

Есть такой наиболее любимый мной спектакль нашего театра «Павшие и живые». Пьеса о поэтах и писателях. Мы сделали монтаж по стихам поэтов, воевавших и погибших, — Кульчицкого, Багрицкого, Когана. И вот, из глубины сцены, отделанной черным бархатом, по трем дорогам выходят эти поэты, которым было по 20, 21 году и которые ничего не успели сделать в этой жизни, кроме того, что написать несколько прекрасных стихов, повоевать и умереть... Например, Кульчицкий сам вызвался возглавить поиск разведчиков и погиб. Он похоронен в братской могиле на сопке Сахарная Голова под Сталинградом... И вот они опять уходят туда, в черный бархат — такая метафора поэтическая: в черный бархат, как в землю, как в братскую могилу. И слышится Вечный огонь прямо на сцене, и звучат стихи их друзей, поэтов, которые тоже прошли фронтовые дороги, но остались в живых, и песни, посвященные павшим и вообще тому времени. Вот такой реквием... И я для этого спектакля написал несколько песен.

Но есть и еще одна причина, по которой я пишу на военные темы. Просто я стараюсь для своих песен выбирать людей, находящихся в момент риска, которые каждую следующую секунду могут заглянуть в лицо смерти, которые находятся в самой-самой крайней ситуации. Если говорить о символе всех этих песен, то это песня «Кони»: «Вдоль обрыва, по-над пропастью...» Если вы обратили внимание, то даже для шуточных песен своих я и то выбираю персонажи, у которых вот-вот что-то случится или что-то произойдет, а не тех, которые в данный момент жуют или отдыхают, — о таких писать менее интересно. Короче говоря, меня интересуют люди, у которых что-то произошло или которые стоят на пороге неизвестного. И чаще всего я нахожу таких героев в тех военных временах, в тех сюжетах.

Например, песня «Всю войну, под завязку» посвящена другу нашей семьи дважды Герою Советского Союза летчику Скоморохову. Эта песня была написана к спектаклю «Звезды для лейтенанта», а на выступлениях я ее пою с маленькой аннотацией, что это была великая воздушная битва над Кубанью в 1943 году, в ней участвовало много самолетов и с той, и с другой стороны. Была там и знаменитая немецкая эскадрилья «Удет», в которой воевало несколько летчиков, награжденных бриллиантовыми крестами. И вот наш летчик Скоморохов, мстя за своего погибшего друга, а ему разрешена была индивидуальная охота, нашел такую бриллиантовую двойку, принял бой и уничтожил ее... Об этом случае рассказывал мне мой дядя, который сам воевал достойно, был награжден тремя орденами Красного Знамени.

Право говорить «Я»

Во многих письмах, которые я получаю, часто задается один и тот же вопрос: не воевал ли, не плавал ли, не шоферил, не летал ли я, в зависимости от того, какую песню человек услышал. У нас есть такая странная манера отождествлять образ, который создан на сцене или на экране, с тем человеком, который его создает. Случаются просто удивительные вещи, когда меня, например, спрашивают: «Зачем ты убил лошадь в фильме «Два товарища»? Или вот, после телефильма «Место встречи изменить нельзя», пошли письма по такому адресу: «МВД, капитану Жиглову». То есть некоторые зрители думают, что существует на самом деле такой человек, за которым артист Высоцкий просто подсмотрел, подглядел и потом его сыграл. Вот так же меня отождествляют и с героями моих песен, что бывает, честно говоря, даже обидно. Ведь если я пою: «Я — ЯК-истребитель» — это вовсе не значит, что я был когда-то истребителем. Или: «Я — слесарь 6-го разряда», — не работал я слесарем. Слушатель же, очевидно, вводит в заблуждение то, что я почти все свои песни пою от первого лица, и они затем спрашивают, проходил ли я через все эти коллизии, о которых в них идет речь. К сожалению, не могу ответить на все эти вопросы «да», потому что хотя кое-что действительно прошел, но для того, чтобы все, о чем я пою, испытать самому, — для этого понадобилось бы просто-напросто много жизней.

Вы знаете, однажды в одну компанию пришел весьма известный человек, и люди, которые там были, договорились посчитать, сколько раз за минуту он произнесет слово «я». За первую минуту по секундомеру оказалось семь раз, за вторую минуту — восемь. Всегда боюсь власть в эту крайность и думаю, что рискованно говорить «я» вовсе не от ячества, а, во-первых, потому, что в песнях есть много моей фантазии, моего замысла, а самое главное — во всех этих вещах есть мой взгляд на мир, на проблемы, на людей, на события, о которых идет речь, мой, и только мой собственный взгляд, во всех них без исключения есть мое мнение и суждение о том предмете, о котором я пою. И это дает мне право говорить «я». Во-вторых, в отличие от многих моих собратьев, которые пишут стихи, я прежде всего актер и часто играю роли других людей, часто бываю в шкуре другого человека. Возможно, мне просто легче петь из чужего-то образа, поэтому всегда так откровенно и говорю: мне так удобнее петь — от имени определенного человека, определенного характера. И вы всегда можете его увидеть — этого человека. Возможно, это и дает некоторым людям повод спрашивать, не скакал ли я когда-то вместо лошади? Нет, не было этого...

Иметь свое лицо

Мне повезло в жизни, потому что все пишут стихи в юном возрасте и все хотят продолжать это в будущем, а потом суета заедает, начинаются какие-то другие дела, и люди бросают это занятие. Я не бросил, потому что поступил в Театр на Таганке и стал работать. А мои товарищи по театру отнеслись с уважением к моим песням и предложили мне писать уже в качестве автора текста и

музыки к спектаклям. Я думаю, они потому это сделали, что мои песни ни на чьи не были похожи, что я никому не подражал. Я действительно никому не подражал и вообще считаю это занятие праздным и довольно глупым, потому что оригинал всегда лучше. Конечно, есть искусство пародии — это совсем другое дело. А когда просто так подражают голосовой манере — значит, думаю, надо подышать зимой в форточку, попить холодного пива, и уже будет под Высоцкого. Это неправда, я никогда со своим голосом ничего не делал, он у меня такой был с самого начала и только немного изменился в связи с годами и многочисленными выступлениями на театральной сцене и на концертах. Хотя я вам должен сказать, что сейчас появилось такое колоссальное количество подражателей, что я иногда сам путаю, я это или не я пою. Так, по некоторым интонациям только узнаю. Например, в Одессе мне показали человека, который стоял за такой громадной стопкой пленок, что его даже почти не видно было. На пленках было написано, что там песни Высоцкого. Когда я спросил, почему так дорого, он сказал: «Проходи отсюда». А потом узнал, потому что я там был изображен на коробках, и предложил сразу десять процентов, если я дам несколько новых песен. Так вот, на каждой из этих пленок было записано приблизительно 30 вещей. Из них 5 пел я, а остальные 25 какой-то человек, которого звать Жорж Окуджава. Значит, он взял себе фамилию Булата, поет моим голосом, а песни — иногда мои, иногда Булата, а чаще неизвестно чьи.

Я всегда в таких случаях говорю, что я категорически не согласен с подражаниями. Подражательство никогда результатов хороших не дает. И я просто призываю людей, которые владеют этим бесхитрым инструментом — гитарой: никогда не нужно пытаться никому подражать, тем более мне. Даже в жизни интересней всего общаться с человеком, который представляет собой личность, индивидуальность, имеет свое собственное мнение и суждение. А в авторской песне тем более.

Я хочу сказать и заверить, что авторская песня требует очень большой работы. Эта песня все время живет с тобой, не дает тебе покоя ни днем ни ночью. Записывается она моментально, но работа над ней длится очень долго. И если у кого-то сложилось впечатление, что это делается легко, то это ложное впечатление. Я обычно рассказываю даже на своих выступлениях, что если на одну чашу весов бросить все, что я делаю, кроме песни авторской, кроме стихов, — деятельность мою в театре, кино, на телевидении, на радио, а на другую только работу над песней, то мне кажется, что вторая чаша перевесит. Потому что, повторяю, песня эта все время не дает тебе покоя, скребет тебя за душу и требует, чтобы ты ее вылил на белый лист бумаги и, конечно, в музыку. Я работаю с маленьким таким магнитофоном, сразу подбираю строчку музыкальную, если не получается — меняю размер. Но это уже моя «кухня»...

Из интервью с В. Высоцким на Пятигорском телевидении

— Человеческий недостаток, к которому вы относитесь снисходительно?

— Физическая слабость.

— А недостаток, который вы не прощаете?

— Их много, не хочу все перечислять, но... жадность. И отсутствие позиции, которое за собой очень много ведет других пороков. Отсутствие у человека твердой позиции, когда он сам не знает, чего же он хочет в этой жизни, не имеет своего мнения и не может сам, самостоятельно рассудить о предмете, о людях, о смысле жизни, о чем угодно. Неспособность к самостоятельному мышлению — это и беда, и недостаток.

— Что вы цените в мужчине?

— Сочетание доброты с силой и умом. Когда подписываю фотографии ребятам-подросткам, всегда пишу: «Вырасти сильным, умным и добрым». Вот это сочетание.

— А в женщине что вы цените?

— Я бы написал так: «Будь умной, красивой и доброй». Красивой — не обязательно внешне.

— Если бы вы не были Высоцким, то кем бы вы хотели стать?

— Высоцким.

— Какой вопрос вы бы хотели задать самому себе?

— Сколько мне осталось лет, месяцев, дней и часов творчества... Вот этот вопрос я хотел бы себе задать. Вернее, знать на него ответ.

— Кем вы себя считаете?

— Тем, кем я есть. Вот сочетание тех жанров и элементов искусства, которыми я занимаюсь и пытаюсь делать из них синтез... Может быть, все вместе это будет называться каким-то одним словом в будущем. Больше всего я, конечно, работаю со стихом. И чаще всего именно тогда я ощущаю эту штуку — «вдохновение», которое ночью съедет тебе на плечо, пошепчет где-то с шести утра, когда уже изгрызли ногти и кажется, что ничего не выйдет, и вдруг оно пришло. Вот, больше всего — работа над стихом.

Пока я живу, пока я думаю, я, безусловно, буду писать стихи, писать песни. Когда песня того стоит, она, в отличие от человека, может прожить дольше: если человек хороший, он беспокоится, нервничает в жизни и умирает раньше. А песня, наоборот, — ее чем больше поют, тем больше ей продлевается жизнь, тем она дольше живет.

Краткие биографические данные

Владимир Высоцкий родился в 1938 году. Мать — Нина Максимовна — переводчик по профессии, работник архива, отец — Семен Владимирович — участник Великой Отечественной войны, связист, полковник в отставке, почетный гражданин города Кладно. После окончания средней школы Владимир Высоцкий поступает в Московский инженерно-строительный институт. Затем — в школу-студию Московского Художественного академического театра им. М. Горького, где занимался у таких выдающихся мастеров сцены, как П. Масальский и А. Комиссаров. С 1964 года — актер Московского театра драмы и комедии на Таганке. Снялся в 28 кинокартинах и телефильмах. Умер в 1980 году.

Текст и пластинка подготовлены к публикации журналистом В. Гладилиным.